

Политика

Проект «Экономический пояс Шелкового пути» и безопасность в Центральной Азии

© 2018

Е.И. Сафронова

Автор рассматривает вопрос о потенциальном влиянии проекта ЭПШП на ситуацию в Центрально-Азиатском регионе (ЦАР) и сопредельных территориях в плане их безопасности и социально-экономической стабильности. Отмечается, что помимо политических и хозяйственных выгод, проект «Один пояс, один путь» и реализация его субпроекта ЭПШП сопряжены с целым рядом рисков не только для государств-партнеров, но и для самой КНР.

Ключевые слова: Китай, Россия, Центральная Азия, проект «Один пояс, один путь» (ОПОП), угрозы безопасности, экстремизм, международный терроризм, Евразийский экономический союз (ЕАЭС), ШОС, Индия, Пакистан.

DOI: 10.31857/S013128120000151-7

Согласно китайской Голубой книге по нетрадиционной безопасности (2014–2015)¹ инициатива «Один пояс, один путь» и ее субпроект «Экономический пояс Шелкового пути» призваны служить интересам Китая в плане: а) обеспечения его национальной экономической безопасности; б) содействия энергетической безопасности КНР путем создания альтернативных маршрутов доставки энергоносителей; в) поддержания безопасности границ благодаря развитию западных регионов Китая; г) нивелирования «трех зол» внутри страны и за рубежом посредством экономического роста и перераспределения ресурсов; д) смягчения последствий недружественных геополитических маневров США; е) создания новой международной системы дискурса и «нового международного порядка безопасности», способствующего усилению всеобъемлющей национальной мощи Китая и его культурной мягкой силы².

Практический смысл инициативы Китая «Экономический пояс Шелкового пути» можно свести к реализации следующих задач.

Экономический подъем СУАР с целью радикального улучшения социальной обстановки на этой сепаратистски рискованной китайской территории.

Обеспечение связуемости (connectivity) инфраструктуры Китая и сопредельных регионов в интересах внешнеэкономической деятельности КНР (в основном

Сафронова Елена Ильинична, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник ИДВ РАН. E-mail: hayrumores@yandex.ru.

для повышения коммерческой доступности европейских, центральноазиатских и южноазиатских рынков).

Снижение зависимости от Малаккского пролива как уникального пути транзита углеводородов с Ближнего Востока, из Африки и Латинской Америки к побережью Китая путем создания транспортных коридоров по территории Центральной и Южной Азии и Среднего Востока.

Получение Китаем через контроль над создаваемой инфраструктурой в странах-соседах особых рычагов политического влияния на принимающие государства. При этом, благодаря расширяющемуся экономическому и инфраструктурному присутствию, обретение КНР нового мощного аргумента в ее территориальных спорах с Индией и оппонентами в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях.

Здесь можно упомянуть и долгосрочную цель ЭПШП (точнее, ОПОП): путем получения беспрецедентных выгод от этого проекта (в случае его успешности) — достижение Китаем международного веса, достаточного, чтобы возглавить преобразование мирового порядка.

Пекин умело использует тот факт, что экономическая активность часто выступает реальным инструментом содействия решению политических проблем. Еще классики марксизма-ленинизма отмечали, что есть сила бóльшая, чем воля любого из враждебных правительств или классов, и это — «общие экономические всемирные отношения...»³.

Экономико-инфраструктурная связуемость видится Пекину путем углубления взаимозависимости сторон⁴, которая, в свою очередь, ведет к унификации их политико-экономического бытия. В случае успеха инициативы ОПОП (ЭПШП) мировое влияние КНР резко возрастет и ее государственная модель социально-экономического развития получит мощный интернациональный импульс, став примером для стран-соседей. Так, сначала на региональном уровне могут быть созданы основы нового международного порядка, в котором Китай будет играть лидирующую роль.

Сама беспрецедентность планов ОПОП обуславливает различие взглядов на них в мировом сообществе. Однако Пекин усматривает в разноцветье мнений немалый плюс, ибо при соблюдении принципа совместного обсуждения оно может превратить проект в широкую платформу международного сотрудничества, «соответствующую тенденциям экономической глобализации»⁵.

Целесообразно, однако, рассмотреть и создаваемые ОПОП/ЭПШП риски для стабильности в Центральной Азии и других регионах.

В упомянутой Голубой книге основным вызовом безопасности ОПОП названо повышение рисков террористических и экстремистских угроз. Это понятно: с созданием новых объектов совместной экономической деятельности прямо пропорционально их числу возрастет и количество вероятных направлений террористических ударов. Сама территориальная протяженность проекта есть фактор его уязвимости. В некогда неосвоенных, удаленных и изолированных районах будут появляться новые потенциальные объекты для атак террористических группировок, и возникновение такой «приманки» способно «разбудить» замороженные экстремистские ячейки в Узбекистане, Киргизии, Таджикистане.

В силу остроты социально-экономических проблем в регионе Центральной Азии (ЦАР) его молодежь попадает под влияние экстремистской пропаганды, пополняя ряды террористических структур. Некогда заметная в регионе исламистская группировка Исламское движение Узбекистана (ИДУ) вошла в состав запрещенной в России ИГИЛ. За последние пять лет до 4 тыс. жителей ЦАР отправились на Ближний Восток, чтобы присоединиться к этому формированию⁶.

Особую проблему для безопасности ЭПШП и ЦАР способна составить Исламская партия Туркестана (ИПТ), члены которой — в основном этнические уйгуры, ратующие за независимость Синьцзяна. Боевики ИПТ в августе 2016 г. совершили нападение

на китайское посольство в Бишкеке, что показало уязвимость персонала и собственности Китая перед сепаратистски мотивированными силами. В период 2010–2014 гг. 468 человек стали жертвами террористических атак в СУАР. Теракты на железнодорожных станциях в Куньмине (март 2014 г.) и Урумчи (август 2014 г.) свидетельствуют о притягательности транспортных объектов как мишеней для подрывных акций⁷. В силу географических особенностей маршрута, соединяющего Синьцзян и центральноазиатские государства, ЭПШП может стать важным «продуцентом» нестабильности на перекрестье границ в Центральной Азии.

Таким образом, укрепление коммуникационной связуемости регионов и территорий — это «палка о двух концах». Оно создает не только удобные возможности для перемещения гражданских лиц и материальных ценностей, но и облегчает транспортировку грузов и людей, используемых в противоправной деятельности. Все это сопряжено с риском невольного, но осязаемого превращения ЭПШП в фактор «расшатывания» внутренней обстановки в ЦАР.

Напряженность в отношениях между государствами Центральной Азии, в частности из-за неразрешенных пограничных споров, тоже не добавляет безопасности ни проектам Китая, ни ситуации в регионе. Конкуренция за инвестиции, маршруты и транспортно-техническое обеспечение, обусловленные планами ЭПШП, способна повысить эту напряженность еще больше, навредив общей безопасности в ареале проекта.

Кроме того, в последнее десятилетие отношения Китая и стран ЦАР прошли через неприятный опыт нападений на китайский персонал со стороны местного населения. Так, в августе 2011 г. на золотодобывающем руднике Солтон-Сары в Кыргызстане (КР) местные рабочие напали на трех китайских шахтеров. В сентябре 2012 г. также в Кыргызстане произошло нападение на лагерь китайских дорожных строителей возле золотоносного месторождения Чараат. В октябре 2012 г. была приостановлена работа управляемого китайцами Талды-Булакского золотого месторождения после драки между китайским и кыргызским персоналом. А в 2015 г. имело место столкновение между китайскими и местными рабочими на принадлежащей китайцам медной шахте в Казахстане.

Есть мнение, что хотя нападения совершаются и на служащих других иностранных компаний, но против китайских фирм они образуют особую тенденцию. Во многом люди недовольны предпочтительным наймом китайского, а не местного персонала, несоблюдением экологических норм, «ненадлежащим обращением» с местным персоналом и небрежным отношением к местным ресурсам и инфраструктуре⁸.

Положение может усугубиться в связи с тем, что население ЦАР очень трепетно относится к вопросам земле- и водodelения в силу ограниченности этих ресурсов в регионе. Существуют опасения, что большие земляные наделы будут переданы китайским инвесторам под нужды ЭПШП или для иных хозяйственных целей. В Казахстане проходили неоднократные выступления оппозиции против предоставления Китаю земли в аренду. Вопрос об аренде стал предлогом для выдвижения официальной Астане и других претензий, включая опасения по поводу притока китайских мигрантов, а также кадрово-трудовых и природоохранных практик китайских компаний. В итоге протесты привели к отставке министра сельского хозяйства РК. Тем не менее в мае 2016 г. казахстанские власти объявили о возможности заключения с китайскими инвесторами сделок на сумму около 2 млрд долл. с задействованием сельскохозяйственных угодий⁹.

Ввиду вышеизложенного стоит ожидать резкого обострения вопроса об эффективной охране объектов «Пояса», тесно связанной с их административной принадлежностью. Будут ли они считаться собственностью одного из контрагентов или же объектами совместной собственности? Какая сторона будет отвечать за их охрану? Сама процедурная сложность прояснения этого нюанса может составить особую проблему, особенно если речь пойдет об объектах двойного назначения (порты, железнодорожные узлы, аэропорты), владение которыми выгодно любой стороне.

Но как бы то ни было, с ростом в ЦАР массива китайской собственности неизбежно усилится и заинтересованность КНР в безопасности ЭПШП. Признаком того, что Китай уже готовится к чрезвычайным ситуациям по защите ЭПШП, видится принятие Закона КНР по борьбе с терроризмом 2015 года, согласно статье 71 которого допускается ведение силами НОАК антитеррористических операций за пределами Китая.

Серьезный вызов стабильности ЭПШП — это и ситуация в Афганистане (ИРА). Пока не произойдет нормализация внутренней обстановки, а также отношений ИРА с соседними странами, безопасность ареала ЭПШП будет находиться под угрозой. Даже если КНР не станет в ближайшее время создавать транспортную инфраструктуру в Афганистане, с его территории продолжит исходить угроза общественной стабильности стран-партнеров ЭПШП.

Мощным кризисным фактором является сохранение в Афганистане последователей запрещенных в России движений «Талибан» и «Аль-Каида». Их участники рассредоточены среди мирного населения, что создает практически неконтролируемый риск диверсий.

КНР принимает меры по институционализации взаимодействия в сфере безопасности с Афганистаном, а также Таджикистаном и Пакистаном, инициировав в 2016 г. формирование четырехстороннего механизма сотрудничества и координации. Его задачей является взаимная поддержка в целом ряде областей, включая изучение и оценку террористических угроз, обмен и подтверждение разведанных, создание потенциала (capability) по борьбе с терроризмом, проведение совместных антитеррористических учений и подготовку персонала. Стороны согласились с тем, что все решения должны приниматься на основе принципа постконсультационного консенсуса¹⁰.

Но пока «четырёхсторонний механизм» пребывает на стадии всего лишь еще одной международной бюрократической структуры, чего явно недостаточно для реальной антитеррористической борьбы. Для ее успеха логично ожидать вооруженных акций в сочетании с ненасильственными мерами по умягчению мировоззренческих и социальных «болевых точек». Поскольку вероятность силовой активности «четырёхстороннего механизма» еще не просматривается, то одним из векторов его деятельности мог бы стать диалог с духовными лицами «классического» ислама и поощрение пропагандистско-просветительской работы по разъяснению вредоносности экстремистских воззрений. По всей видимости, интенсификация сотрудничества с собственными религиозными организациями становится для Китая и его соседей в ЦАР и Южной Азии насущной необходимостью. Она способна составить отдельное направление сотрудничества в регионе.

Стоит отметить, что на двустороннем уровне дела в сфере безопасности (как и экономическое взаимодействие) могут идти быстрее. Так, в начале 2018 г. военнослужащие КНР впервые осуществили совместное с ВС ИРА патрулирование афгано-китайской границы, причем с территории Афганистана¹¹. Проходила информация о том, что это патрулирование китайские военные проводили без санкции Кабула. Тем не менее протестов от ИРА не последовало¹².

Определенный дестабилизирующий потенциал обусловлен спецификой сосуществования ЭПШП и Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Несмотря на позитивную тональность официальных заявлений о сопряжении двух проектов, пределы их кооперации очевидны. Так, Китай предпочитает поддерживать конкретные отношения со странами ЕАЭС на двустороннем уровне. Все попытки, предпринятые Россией, побудить государства — члены ЕАЭС сообща координировать усилия по участию в ЭПШП пока не увенчались успехом. Важно и то, что Китай нацелен на снижение торговых ограничений для стран — участниц ЭПШП и для грузов, провозимых по нему, в то время как ЕАЭС формирует торговый союз с относительно высокими тарифами для товаров из третьих стран и, по некоторым данным, даже инициировал антидемпинговые расследования в отношении китайской продукции¹³.

Не стоит исключать и того, что торможение сотрудничества с ЕАЭС может еще более мотивировать Пекин к проведению обособленной стратегии в отношении центральноазиатских стран.

Эффективным шагом на пути сопряжения ЭПШП и ЕАЭС стало заключение соглашения о торгово-экономическом взаимодействии между Евразийским союзом и Китаем (май 2018 г., Астана). Несмотря на то, что создание зон свободной торговли (ЗСТ) прямо ассоциируется Пекином с идеей сопряжения, подписанное соглашение не предполагает создание ЗСТ «ЕАЭС-КНР», чего хотел бы Китай. Оно не носит преференциального характера, не предусматривает облегчения доступа на рынки и сокращения тарифов. Цель документа — обеспечение эффективности процедурной стороны дела. Он регламентирует сотрудничество в области технического регулирования, упрощения коммерческих процедур, фитосанитарного контроля, электронной торговли, разработки общих правил исполнения прав интеллектуальной собственности и др.¹⁴

Упорядочивание регуляторики — процесс нужный, но все же далекий от создания ЗСТ как шага на пути к сопряжению. Прискорбно, но Шанхайская организация сотрудничества не имеет даже такого «приготовительного» соглашения между своими участниками. Еще в 2004 г. Китай артикулировал стремление к учреждению ЗСТ стран — членов ШОС. Однако оно не нашло понимания, ибо для центральноазиатских членов ШОС (и России) создание такой зоны чревато закреплением сырьевой направленности их экспорта в Китай, тогда как импорт из КНР представлен в основном продукцией высоких пределов.

Создание ЗСТ ШОС воспринимается многими столицами Шанхайского «октета» не только как средство консервации экономического доминирования Китая в ШОС, но и как серьезное препятствие на пути импортозамещения. А для КНР учреждение зоны свободной торговли — еще и средство преодоления ее обособленности от коллективных политико-экономических процессов в ЦАР. Ныне Китай призывает партнеров по ШОС ускорить подписание Соглашения об упрощении процедур торговли как шага на пути к учреждению ЗСТ и формированию институтов регионального экономического сотрудничества, поддержать развитие трансграничной электронной коммерции, заключить рамочное соглашение в области торговли услугами¹⁵, но дальше призывов дело пока не идет.

Однако на общегражданском уровне картина в странах ШОС несколько иная. Недавно ряд кыргызских предпринимателей заявил о желательности ЗСТ ШОС, политически грамотно аргументируя это тем, что «шосовская» зона свободной торговли станет продуктивным дополнением ЕАЭС¹⁶. Простое население в принципе приветствует доступные по цене и вполне приемлемые по качеству китайские товары.

Возникает естественный вопрос: значит ли это, что сотрудничество КНР с ЕАЭС по пути создания их ЗСТ — это более перспективный процесс, нежели формирование ЗСТ ШОС? Или же указанное соглашение «КНР-ЕАЭС» станет просто вежливым паллиативом мертворожденной идее о зоне свободной торговли между Евразийским союзом и КНР? Четкий ответ на этот вопрос, думается, будет получен в ближайшие 4–5 лет.

Так или иначе, вся сложность отношений КНР и ЕАЭС несет риск нарастания противоречий как между Китаем и Россией — лидером ЕАЭС, так и между РФ и теми членами Евразийского союза, которые заинтересованы в теснейшем двустороннем сотрудничестве с КНР. Данное обстоятельство способно негативно отразиться на экономической обстановке в регионе и тем самым — затенить позитивность замысла и ЕАЭС, и ЭПШП.

Еще одним вызовом безопасности в свете ЭПШП является коррупция в ряде стран ЦАР. Должностные злоупотребления снижают эффективность борьбы государства с организованной преступностью, особенно с наркотрафиком. Как известно, наркоторговля и «три зла» тесно переплетены между собой, ибо последние активно финансируются за счет доходов от наркоторговли. Один из позитивных посылов ЭПШП — это ут-

верждение, что экономическое развитие, сопутствующее реализации проекта, поможет снизить имущественное неравенство и уровень коррупции, на которых зиждется терроризм и экстремизм. Линейная логика заставляет думать именно так, но дело в том, что коррупция в странах ЦАР приняла характер не только масштабного, но и системного, выгодного очень многим явления. Да, в регионе периодически проводятся антикоррупционные кампании, но они более направлены против ставших неуютными отдельных лиц из числа элиты¹⁷.

Похоже, что Китай, вскрывая «нарыв» коррупции на своей территории, вольно или невольно подстегивает это явление в сопредельных странах, ибо освоение китайских инвестиций в Центральной Азии часто сопряжено с задействованием коррупционной составляющей (чаще всего — взяточничеством) практически по всей бюрократической лестнице.

В ЦАР китайские инвесторы предпочитают вкладываться в добычу полезных ископаемых — сектор, особо подверженный коррупции, ибо там необходима покупка государственных лицензий. Сообщалось, что в сентябре 2016 г. руководитель Центра приграничного сотрудничества с Китаем «Хоргос» был арестован по подозрению в получении взятки в один миллион долларов, а глава кыргызского отделения китайской Торгово-промышленной палаты признал участие некоторых китайских инвесторов в противоправных сделках. Частично проблема заключается в отсутствии прозрачности: компании-подрядчики отбираются без конкурсных тендеров. Так, китайские Эксимбанк и Банк развития Китая часто предоставляют правительствам стран-партнеров льготные кредиты, которые используются для оплаты работ китайских подрядных фирм, причем национальные компании к участию не приглашаются¹⁸.

В целях экономической и общей безопасности КНР, видимо, следует интенсифицировать работу по контролю над использованием их капиталовложений. Однако решиться на это весьма непросто, ибо тогда придется фактически «взламывать» сложившиеся в ЦА порядки, взаимоотношения и даже обычаи. Ввиду этого кажется вполне оправданной тактика китайских хозяйствующих субъектов, когда они предоставляют связанные кредиты и заключают подрядные договоры под условие закупки в КНР китайской техники и привлечения китайского персонала. Эта практика позволяет более точно отслеживать целевое использование китайских вложений, хотя и кажется недружественной по отношению к местным подрядчикам и рабочей силе.

Несмотря на призывы шире привлекать возможности «народной дипломатии» в реализации ЭПШП, Китай все же предпочитает работать с элитами стран-партнеров. Это понятно: именно на уровне правящих страт принимаются нужные решения. Простые граждане как сила, могущая быть заинтересованной в ЭПШП, выпадают из внимания Пекина. А жаль, ибо в случае, если «Пояс» будет приносить выгоды, заметные лишь на высшем государственном уровне, это чревато обострением имущественного и социального неравенства в регионе и, следовательно, — умножением акций экстремизма со стороны обделенного населения. Как показывает опыт ряда китайских предприятий в Шри-Ланке и Мьянме, игнорирование общественного мнения порождает риски отложенного гражданского недовольства и в итоге — торпедирования проектов¹⁹.

Еще один вызов безопасности ЦАР в свете инициативы ОПОП — это настороженное отношение к ней со стороны США и их союзников, а также Индии. США и Индия — мощные игроки в АТР — видят в китайском мегапроекте угрозу их позициям в Южной, Юго-Восточной и Центральной Азии, что никак не благоприятствует трансрегиональной стабильности.

Риски для безопасности в Южной Азии, да и в соседнем ЦАР, обусловлены также спецификой отношений в треугольнике «Индия — Китай — Пакистан». КНР использует территорию Пакистана (ИРП) для прокладки «экономического коридора», трактуемого как часть ЭПШП. Китайско-пакистанский экономический коридор (КПЭК) преду-

сматривает создание широкой сети авто- и железных дорог, соединяющих порт Гвадар на юго-западе ИРП с СУАР КНР. Масштабное финансирование КПЭК Китаем есть свидетельство того, что сооружение ЭПШП скорее всего будет вестись по линии двусторонних договоренностей, а не коллективными усилиями. Это осложнит координацию его «по-секционного» строительства. А повышенная сложность управления «фрагментированным» проектом негативно скажется на его экономической и общей безопасности.

Индия выступает против планов ЭПШП, поскольку они предусматривают экономическую деятельность КНР и ИРП на территории Гилгит-Балтистана — части Кашмира, который является для Индии и Пакистана спорной территорией. ИРП контролирует Гилгит-Балтистан, но Индия считает его своим²⁰.

Здесь стоит упомянуть и второй субпроект ОПОП — Морской Шелковый путь XXI века, который будет пролегать через Индийский океан. Он должен пройти через порты в странах, расположенных вокруг Индии (Шри-Ланка, Мальдивы, Пакистан), но минуя индийскую территорию. Это тревожит Индию, которая усматривает здесь посягательство Китая на ее водные пути. Есть сферы, в которых Индия и КНР могли бы сотрудничать в контексте проекта ЭПШП — это коридор Бангладеш — Китай — Индия — Бирма/или Иран. Однако Индия требует более подробных и надежных разъяснений китайских намерений²¹.

Определенные вызовы связаны и с тем, что страны-«мишени» китайских инициатив наверняка будут разыгрывать «китайскую» и «западную» карту для извлечения максимальных выгод из конкуренции за их ресурсы. Государства ЦАР, видящие противоречия интересов РФ, Китая и США, уже вступили в эту «игру». Ряд стран, учитывая контрапункты Индии и КНР, тоже начали конъюнктурное «маневрирование» (Мьянма, Шри-Ланка, Мальдивские о-ва). Страны ЮВА (Индонезия, Малайзия, Сингапур) пытаются извлечь прибыль из американо-китайских противоречий²². Все это расшатывает расстановку сил сразу в нескольких регионах и в перспективе может отразиться на уровне их безопасности.

Видимо, Китаю предстоит немалая работа по убеждению союзников США, думающих об участии в ОПОП, в нежелании использовать их в геополитической борьбе. Опасения целого ряда государств связаны с фактором двойного назначения инфраструктуры ОПОП. Предложение Пакистана, адресованное Китаю, построить морскую базу в порте Гвадар, просочившаяся информация о вероятном создании китайской морской базы на Мальдивах не способствуют нивелированию этих опасений. Сопутствующие утверждения, что проект имеет китаецентричный характер и что страны-участницы могут получить дескать только «побочную» выгоду²³, тоже деструктивны для межрегиональной стабильности.

По мере возведения ОПОП будет неизбежно возрастать привязка стран-участниц к экономическому положению внутри самого Китая. Замедление темпов или просто проблемы в его хозяйственной жизни могут негативно сказаться на способности КНР выполнять инвестиционные обязательства. И в этом кроется еще одна угроза безопасности в ареале ЭПШП и не только там.

В целом, проект ОПОП/ЭПШП логично рассматривать как инструмент *экономической* дипломатии Пекина, призванный принести Китаю не только весьма ощутимые хозяйственные выгоды, но и стабилизировать *внешнеполитическую* обстановку вокруг него. Инновационный потому, что доньше КНР не создавала механизмов экономического характера, могущих прямо влиять (позитивно или же негативно) на состояние безопасности в региональном и трансрегиональном масштабах.

1. Фэйчуаньтун аньцюань ланьпишу: чжунго фэйчуаньтун аньцюань яньцзю баогао: [Голубая книга по нетрадиционной безопасности: исследовательский доклад о нетрадиционной безопасности Китая]. Бэйцзин: Social Sciences Academic Press, 2015.
2. Приводится по: *Ghiasi, Richard and Zhou, Jiayi*. The Silk Road Economic Belt. Considering Security Implications and EU—China Cooperation Prospects / Stockholm International Peace Research Institute. 2017. P. 5–6. См. Также: Chinese Foreign Policy Under Xi / ed. by Tiang Boon Hoo. L.; NY: Routledge, 2017.
3. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 44. С. 304–305.
4. Подробно см.: Прекрасные перспективы и практические действия по совместному созданию Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века / Госкомитет по делам развития и реформ, Министерство иностранных дел, Министерство коммерции КНР (издано с санкции Госсовета КНР). 28.03.2015. URL: <http://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/t1254925.shtml>
5. Синьхуа. URL: http://russian.news.cn/2018-04/10/c_137100203.htm
6. *Reccia Federica*. The evolving terrorist threat to China's Central Asia projects. URL: <https://foreignpolicyblogs.com/2018/01/23/evolving-terrorist-threat-chinas-central-asia-projects>
7. Ibidem.
8. Central Asia's Silk Road Rivalries. Europe and Central Asia Report N°245/ International Crisis Group. Brussels, 2017. P. 11. URL: <http://www.refworld.org/pdfid/5979e3c14.pdf>
9. Ibidem. P. 12.
10. Ministry of National Defense of the PRC. Joint Statement of the Inaugural High Level Military Leader Meeting on Quadrilateral Cooperation and Coordination Mechanism in Counter Terrorism by Afghanistan—China—Pakistan—Tajikistan Armed Forces. URL: http://eng.mod.gov.cn/DefenseNews/2016-08/04/content_4707451.htm. См. также: URL: <https://foreignpolicyblogs.com/2018/01/23/evolving-terrorist-threat-chinas-central-asia-projects>
11. Reuters. China again dismisses reports of military patrols in Afghanistan. URL: <https://af.reuters.com/article/worldNews/idAFKBN162132>
12. *Gibson Giles*. Exclusive: Chinese security forces caught patrolling deep inside eastern Afghanistan. URL: <http://www.wionews.com/south-asia/exclusive-chinese-security-forces-caught-patrolling-deep-inside-eastern-afghanistan-8008>
13. См.: Central Asia's Silk Road Rivalries... P. 22.
14. URL: <http://eurasia.expert/eaes-i-kitay-priblizilis-k-podpisaniyu-torgovogo-soglasheniya>; URL: <http://провэд.рф/article/45160-byty-li-zone-svobodnoy-topgovli-mezhdu-kitaem-i-eaes.html>
15. Синьхуа. URL: http://russian.news.cn/2017-12/27/c_136853831.htm
16. См.: Central Asia's Silk Road Rivalries... P. 22.
17. *Reccia Federica*. Op.cit.
18. URL: https://d2071andvip0wj.cloudfront.net/245-central-asias-silk-road-rivalries_0.pdf
19. Ibidem.
20. URL: <https://news.rambler.ru/.../39583001-si-tszinpin-podderzhal-stroitelstvo-ekonomicheskogo-koridora-s-pakistanom/>
21. *Lain Sarah, Pantucci Raffaello*. The Economics of the Silk Road Economic Belt. Workshop Report / Royal United Services Institute for Defence and Security Studies. L., 2015. P. 2.
22. См.: *Blanco Pito III, Lucio*. China's 'One Belt, One Road' To Where? // The Diplomat. 2015, February 17. URL: <https://thediplomat.com/2015/02/chinas-one-belt-one-road-to-where>
23. Ibidem.